

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации
на соискание степени доктора филологических наук
Дрейзис Юлии Александровны
«Соотношение устного и письменного компонентов
в поэзии на китайских идиомах»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности
5.9.8 «Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика»

Проблематике, разрабатываемой в диссертационном исследовании Ю. А. Дрейзис, на первый взгляд не так-то легко найти место среди дисциплин, объединенных под рубрикой «теория языка»: она располагается на стыке социолингвистики, лингвистической поэтики, и, естественно, китаистики и китайской диалектологии, открывая дверь в широкое междисциплинарное пространство, которое, собственно, и может быть названо теорией языка в изначальном смысле, без дробления на субдисциплины. Подобный широкий подход сам по себе привлекает внимание актуальностью и комплексностью, тем более что работа выполнена на очень высоком профессиональном уровне и уникальна по разнообразию и сложности вовлекаемого в анализ материала.

Лингвистам давно известно о расхождениях между письменным и устным, о том, что живой разговор и письменный текст могут отражать различные стадии развития языка: классическим примером такого расхождения можно назвать французский язык, устная форма которого лишилась множества грамматических показателей, до сих пор отражающихся на письме. В китайском языке, специфическая система письменности которого скрывает как диахронические изменения языка (в первую очередь, фонетические, но не только), так и синхронное варьирование, этот вопрос, как показывает исследование Ю. А. Дрейзис стоит еще более остро. Хорошо известно — и это многократно подчеркивается в обсуждаемой работе, — что современный китайский язык *de facto* представляет собой языковую семью, а китайские «диалекты» во многих случаях более корректно было бы называть китайскими *языками*. Однако в силу различных факторов, среди которых и скрывающая фонетические различия система письма, и высочайший престиж классической формы китайского языка, *вэньяня*, и сознательное стремление современного правительства КНР по стандартизации языка и сведения его к официальному идиому *путунхуа*, статус китайских диалектов (или языков) остается проблемным, а попытки их использования в художественной речи ограничены особыми стилистическими мотивами, как правило, связанными с репрезентацией локальной идентичности жителей тех или иных территорий Большого Китая. Именно это делает особенно глубокой и интересной гипотезу, положенную в основу диссертационного исследования — «о взаимосвязи языковой ситуации многоязычия и параметров структуры и бытования поэтических текстов» (с. 8), тем более что эту взаимосвязь Ю. А. Дрейзис удаётся продемонстрировать с редкой убедительностью и наглядностью.

Для отражения всей сложности китайской языковой ситуации уже на терминологическом уровне в работе предлагается термин *тополект*, изредка возникавший в лингвистических работах, начиная с 1980-х годов, но никогда не находившийся в центре исследовательского внимания. Этот термин обозначает крупные китайские идиомы, фактически отдельные языки, которые в традиционном китайском языкознании, как правило, интерпретируются как диалекты. Нужно отметить, что термин «тополект» находит аналоги и в

терминологии традиционного китайского языкознания, которое с древнейших времен размышляло о специфике региональных форм языка ханьцев: китайский аналог термина — это понятие *фанъянь*, восходящее к философу и поэту ханьского времени Ян Сюну (I в. до н.э. — I в. н.э.), и транспонирование его в сферу современной лингвистики кажется удачным. При этом задача, стоящая перед работой Ю. А. Дрейзис, оказывается теоретически и практически даже более сложной, чем изучение тех или иных диалектных или же «тополектных» черт — в фокусе внимания здесь интерференции специфических тополектных элементов в поэтические тексты, предназначенные для декламации или чтения носителями тополектов. То есть, во-первых, это исследование того, как тополектный материал отражается иероглифической системой письма, не только не предназначенной для передачи диалектного варьирования, но и активно «сопротивляющейся» ему, а во-вторых, это исследование деятельности поэтов, сознательно выступающих реформаторами языками, стремящихся примирить нормы традиционной поэтики с эстетическими и политическими требованиями XX века.

Начиная с основополагающих работ Р. О. Якобсона (и всего круга ОПОЯЗа) поэтический язык понимался как отдельное подмножество языка со своими специфическими правилами, законами и тенденциями. Интерес для лингвистики представляет и исследование поэтического языка как такового, и то знание об устройстве языка вообще, которые можно извлечь из поэтического текста. Так, не в последнюю очередь благодаря системе рифм классической китайской поэзии возможно реконструировать фонетический облик ранних стадий развития китайского языка (см. работы С. А. Старостина). Но диссертация Ю. А. Дрейзис посвящена не особенностям китайского поэтического языка как такового — поэзия в ней выполняет другую роль: своего рода опытной площадки, где локальные идиомы / тополекты обретают относительную свободу от общекитайского литературного стандарта. Дополнительно необходимо учитывать жесткие требования, накладываемые традиционной китайской поэтикой — например, «требование, чтобы знаки, расположенные в одинаковых позициях внутри стихотворной строки, обладали полностью совпадающими или семантически соотнесенными детерминативами и/или записывали лексические единицы, заполняющие одни и те же синтаксические позиции» (с. 118). В работе подробно рассмотрены три южных китайских тополекта в их отношении к поэзии — *юэ*, *хакка* и *минь*, и стоит особо подчеркнуть, что выполнение подобной работы требует не только совершенного знания стандартного китайского языка, но и глубокого проникновения во все описываемые в работе региональные китайские идиомы, что говорит об уникальной компетенции диссертанта — в этом смысле работа, безусловно, может претендовать на масштабное новаторство.

Отметим ясность и логичность структуры работы, разделенной на четыре главы. В **первой главе** с максимальной подробностью рассматриваются различия между языком, диалектом, тополектом и смежными таксономическими единицами. Хотя эта глава практически не обращается к конкретному материалу, в ней задается оригинальная терминологическая сетка, становящаяся в дальнейшем адекватным инструментом для анализа тополектной поэзии. Среди этих терминов помимо уже упомянутого *тополекта* — *полиорфография*, *полиграфия* и *полиэтия*, передающие различные нюансы взаимоотношений письменного и устного в бытовании китайского языка, а также термин *морфосиллабическая система письма*, удачно, по нашему мнению, выражающий характер китайской письменности. Рассмотрены в этой главе и характерные особенности бытования тополектов в Китае — например, отсутствие общепринятых словарей и грамматик даже самых крупных тополектов вроде *юэ* (кантонского), причем сопротивляться нормализации и кодификации идиома могут не только официальные инстанции, но и сами его носители. Также в этой главе приводится важное — особенно для читателя не-китаиста — описание системы китайской письменности с точки зрения ее возможности передавать фонетическое значение. Согласно Ю. А. Дрейзис: «...для 66 % знаков китайского письма фонетики [т.е. специальный тип знаков — *В. П.*] позволяют так или иначе судить об их чтении <...> В контексте, т.е. в составе

слов современного языка, фонетические компоненты становятся еще более надежной опорой для чтения» (с. 112).

Вторая глава рецензируемой работы имеет в большей мере социолингвистический и исторический характер, анализируя взаимоотношения письменного текста на нормативном китайском идиоме и устной речи, особенно в ситуации первой половины XX века, когда поэтическая декламация, с одной стороны, привлекает внимание китайских интеллектуалов, находящихся в поиске средств по обновлению поэтического языка, а с другой, осознается как действенный инструмент политической пропаганды. Несмотря на то, что эти подходы к соотношению письменного и устного кажутся противоположными, часто они встречаются одновременно у одних и тех же авторов (например, у такого значительного поэта, как Го Можо, творчество которого подробно рассмотрено в четвертой главе). При этом в обоих случаях поэзия, предназначенная для декламации, распространялась в виде *печатных* текстов, что и позволяет сделать такие тексты основным предметом исследования. Любопытно, что параллельные эксперименты с декламацией имели место и в ранний советский период — например, в деятельности «Института живого слова» (1918—1924), хотя в русском языке расхождение между письменной и устной репрезентацией, конечно, было куда менее значительным. В китайском же в силу не столько языковых, сколько социальных и политических причин поэзия стала той территорией, где лингвистические проблемы можно было решать в значительной мере в рамках поэтической практики. В этой же главе осуществляется анализ текста с тополектными вставками — здесь необходимо отметить удачную и лаконичную систему передачи такого текста, где запись китайскими знаками дублируется кириллической системой Палладия, пословными глоссами и литературным переводом — даже при отсутствии глубоких познаний в китайском по такой записи можно оценить степень проникновения тополекта в текст, записанный стандартным письмом.

Наиболее насыщенной с лингвистической точки зрения представляются третья и четвертая главы, которые в значительной мере посвящены анализу конкретных текстов — здесь стоит особо отметить мастерское обращение автора диссертации с тополектным материалом. В **третьей** главе проводится подробный анализ поэтических текстов на трех крупных тополектах юга Китая — *юэ*, *хакка* и *минь*. Анализ текстов сопровождается очерком социолингвистических и собственно языковых особенностей каждого из тополектов, детально излагается история их отражения в поэтических текстах — от первых попыток фиксации до современного состояния. Также описываются способы, какими характерные особенности тополектов передаются в стандартной китайской графике. Именно здесь вводится утверждение, которое можно считать центральным для работы: «Поэзия позволяет акцентировать различие [между идиомами — *В. П.*] (в т.ч. за счет использования рифмы) и увидеть, как эволюционируют тополекты» (с. 299). При этом подчеркивается общий принцип организации такого рода поэзии: удобнее всего представить ее в виде континуума, на одном полюсе которого — тексты, написанные стандартным китайским с отдельными примесями (инкрустациями) тополекта, а на другом — тексты, полностью написанные на тополекте и *не понятные* носителям одного только стандартного идиома.

Наконец, **четвертая** глава посвящена тополектными вставкам (*эпентезам*) в тексты на нормативном китайском. В этой главе уже не представлено подробное описание тех или иных тополектов, а внимание сосредоточено скорее на практике отдельных и значимых для китайской поэтической традиции авторов XX века, которые проявляли интерес к тополектной поэзии, однако все же не отходили достаточно далеко от стандартного идиома — прежде всего, здесь в центре внимания поэзия Го Можо — поэта из народности *хакка*, прошедшего большой путь от бунтаря-авангардиста до классика соцреализма; другой предмет анализа — поэты, испытавшие влияние фольклорной поэзии и/или выступавшие в качестве ее собирателей и исследователей, — в такого рода поэзии тополектные вставки, естественно, мотивированы самим жанром. Важно, что исследуемые в этой главе тексты структурно отличаются от тополектных текстов из предыдущей главы: в их основе лежит скорее чисто стилистическая задача передать *отдельные* особенности тополектной речи, которые служат

своего рода языковым курсивом в контексте стандартного идиома. Заканчивается глава обзором новейшей поэзии — ее анализ менее подробен, чем в предыдущих главах, что во многом компенсируется уникальностью материала: специально для представленного исследования Ю. А. Дрейзис опросила 50 (!) современных китайских поэтов относительно того, готовы ли они работать с тополектным материалом и как именно они видят подобную работу.

Хотя докторская диссертация Ю. А. Дрейзис заслуживает самой высокой оценки, все же остановимся на нескольких замечаниях, которые отнюдь не снижают ценности работы, но могут быть предметом дальнейших размышлений и уточнений.

Первая глава, как уже отмечалось, посвящена исключительно используемой в работе терминологии, и, хотя терминологические различия между идиомами действительно представляют собой вопрос, не имеющий простого решения, обзор всех возможных точек зрения по этому вопросу, представляется во многом избыточным, особенно в тех случаях, когда он не подкреплен собственно китайским материалом. Напротив, использование аналогий с романскими языками, арабским, ивритом (термин «спящий язык») и т.д. представляется во многом более продуктивным для описания китайской ситуации, в то время как такое сравнение дается во многом на полях и несколько теряется на фоне по большей части схоластической дискуссии о различии языка и диалекта.

В работе многократно указывается на связь между использованием тополекта и локальной идентичностью, однако практически всегда эта связь вводится как само собой разумеющееся, хотя сложности и перипетии подобной политики достойны отдельного рассмотрения или хотя бы эксплицитного очерка того, что именно понимается под идентичностью. В интересующем нас случае идентичность тесно связана с таким хорошо исследованным в социолингвистике явлением, как престижность языка, а взаимоотношения стандартного языка и тополекта — это часто именно битва за престиж, которую одни тополекты могут почти выиграть (как, в значительной мере, *юэ* и *хакка*), а другие проиграть (как севернокитайские тополекты, в меньшей степени отличающиеся от нормативного стандарта).

Во многом сходное замечание касается инструментов, используемых для анализа поэтического текста. Периодически в работе рассматривается местоименная и дейктическая структура, и нужно сказать, что эти части работы показывают автора как тонкого знатока поэтической речи, однако же специфические термины лингвистической поэтики вводятся здесь без каких-либо комментариев, в то время как стоило хотя бы прояснить использование термина «субъект» (особенно с определениями «расщепленный» и «коллективный»), который в разных школах исследования поэтического текста понимается несколько по-разному и не всегда напрямую коррелирует с формальной местоименной структурой текста. Особенно это касается фрагмента на с. 206—208, который занимает достаточно важное место в третьей главе, но может быть не до конца ясен читателю, не знакомому со специфическим аппаратом лингвистической поэтики. То же самое касается термина *инкрустация*, который многократно используется в работе, но ни разу не поясняется; и, хотя контекстуально он ясен, стоило бы, по крайней мере, отграничить его от близкого термина *эпентеза*, который также обозначает вставку в поэтический текст.

Подобное же упущение можно отметить во второй главе (с. 146—147), где делается попытка связать традиционную стиховедческую оппозицию «стих vs. проза» с оппозицией «поющее vs. произносимое». Русское стиховедение в лице М. Л. Гаспарова и Ю. Б. Орлицкого, упомянутых на этих страницах, в основном устраняется от анализа произносимого текста, предпочитая текст записанный — собственно, это и подчеркивает Ю. А. Дрейзис. Однако за пределами русского стиховедения существует довольно влиятельная школа, в центре внимания которой находится так называемая «изохронная» метрика — то есть та метрика, для которой центральной оппозицией оказывается не «стих vs. проза», а именно «поющее vs. произносимое». Кажется, работы представителей этой школы (J.-L. Aroui, A. Arleo, B. Heuvels и др.; на русском языке о ней много писал К. М. Корчагин) могли бы обогатить представленный в работе взгляд на произносимый стих.

Наконец, можно отметить два фрагмента, которые кажутся не вписывающимися в общую логику работы. Несколько странно выглядит ссылка на работы белорусского ученого Ю. В. Патюпо для описания трех видов исполнения поэтического текста — *скандовки*, *рецитации* и *декламации* — кажется, все три типа уже и так многократно были описаны в литературе. Второй такой момент касается несколько избыточной, по нашему мнению, цитаты из французского философа Ж. Деррида на с. 451, как будто бы подтверждающей в целом удачное замечание, что поэтические тексты сохраняют в себе следы языковой идентичности их автора, но делающей это тем смутным и непрозрачным способом, который в целом характерен для манеры этого мыслителя и сам по себе требует дополнительного комментария. Сформулированная здесь Ю. А. Дрейзис мысль о сохранении языковой идентичности в поэтических текстах выводится из всего предыдущего повествования, так что не совсем ясно, нужна ли здесь эта броская, но нарочито затемненная философская цитата.

Все приведенные замечания, как можно видеть, носят исключительно частный (или дискуссионный) характер и не влияют на общую очень высокую оценку представленной работы. Диссертация Ю. А. Дрейзис «Соотношение устного и письменного компонентов в поэзии на китайских идиомах» является самостоятельным научным исследованием, выполненном на высоком научном уровне, содержит научные результаты, обладающие новизной и оригинальностью, тематически и содержательно соответствует паспорту научной специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» и соответствует критериям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук, установленным требованиям п. 2.1 раздела II (докторская) Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г. Автор диссертационного исследования, Юлия Александровна Дрейзис, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика».

Официальный оппонент

Доктор филологических наук (специальность ВАК РФ 10.02.19 — «Теория языка»),
профессор, академик РАН,
заместитель директора по научной работе
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук

Владимир Александрович Плунгян

18 ноября 2025 года

Контактные данные: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. Телефон: +7 (495) 695-26-60. E-mail: ruslang@ruslang.ru.

